

Евгений Абрамович Боратынский

*Мой дар убог, и голос мой не громок,
Но я живу , и на земле моё
Кому-нибудь любезно бытие
Его найдёт далёкий мой потомок
В моих стихах...*

Усадебный дом в Маре

Из коллекции В.Г.Шпильчина. Фотография XIX в

Мара. Групповой портрет у лестницы в башню

Фотография конца XIX в.

- Мара (ныне село Софьинка) так называлось имение Боратынских. Здесь родился известный поэт первой половины XIX века Евгений Абрамович Боратынский.
- Поселившись в Маре, отец поэта, Абрам Андреевич, много сил и труда отдает устройству своего дома, хозяйству. Чтобы разбить парк и фруктовый сад, Боратынский выписал из Пензы сотни саженцев деревьев. В основном Абрам Андреевич сажал липы, немного березы, вязы, клены, кустарники.
- Почему же имение Боратынских называлось Мара? На месте современной Софьинки когда-то давно проходила границы русского государства, здесь было много татарских сел. Татарские слова остались в названиях многих сел: Сулак, Калаис, Ломовис... «Мара» в переводе с татарского означает «овраг».
- Сегодня вокруг тихо и спокойно. К сожалению, ничего не осталось от некогда процветающего имения Боратынских. Вот таким был дом Боратынских. Напротив дома возвышалась церковь, в ограде которой под кустами сирени были похоронены родные поэта.

Усадебный дом в Маре.

Картина-реконструкция В.Г.Шпильчина

Неизвестный художник XIX в.

Рисунок павильона "Грот" в Маре.

Хранится в Пушкинском доме в Петербурге.

Парковый павильон Грот был архитектурной достопримечательностью тамбовского имения Боратынских Мары. О нем упоминается в стихотворении Е.А. Боратынского "Запустение" 1833 года.

Портрет Е.А.
Боратынского
в детстве. Пастель
Барду.

- Большая часть детских лет будущего поэта прошла в Маре. Евгений рос окруженный любовью, вниманием, заботой. Отец и мать не чаяли в нем души. Буба... Бубенька... Бубушка... Каких только ласковых и нежных слов не жалели для него родные! Мальчик был смышленным, спокойным и очень подвижным. «Это такой ребенок, что я в жизни моей не видывал такого добронравного и хорошего дитя. Бубинька два года не только розги, но ниже выговору не заслужил: редкий ребенок», - сообщал Абрам Андреевич своему отцу, дедушке Евгения.

В пять лет Евгений уже знал русскую грамоту, мог и читать и писать. Мальчик рано познакомился с итальянским языком; вполне овладел он также французским, принятым в доме Баратынских, и восьми лет уже писал по-французски письма. В 1808 году Евгения Баратынского, старшего среди детей, отвезли в Петербург и отдали в частный немецкий пансион, где он выучился немецкому языку.

- Сдержанный на людях, несколько замкнутый, вежливый и дружелюбный Баратынский мало походил на демонического поэта, на романтического гения. Заурядной казалась и его биография: служба, женитьба, хозяйственные заботы по имению, эпизодическое участие в общественной жизни.

Белинский писал: «Лирический поэт нашего времени более грустит и жалуется, нежели восхищается и радуется, более спрашивает и исследует, нежели безотчетно восхищается... Мысль — вот предмет его вдохновения». Эти слова определяют характер поэтической оригинальности Баратынского, которая как раз и заключалась в том, что он, по точному определению Пушкина, мыслил в **СВОИХ СТИХАХ**.

Пушкин всегда внимательно следил за творчеством Баратынского, определяя основное качество его поэзии ("он у нас оригинален - ибо мыслит"). Он отмечал его самобытность и независимость от господствующих направлений и школ ("никогда не тащился он по пятам свой век увлекающего гения, подбирая им оброненные колосья: он шел своею дорогою один и независим") и определял его "степень" в русской поэзии - "полюс Жуковского".

Баратынский начал писать стихи ещё юношей, живя в Петербурге и готовясь к поступлению в полк; в это время он сблизился с Дельвигом, Пушкиным, Гнедичем, Плетнёвым и другими молодыми писателями, общество которых имело влияние на развитие и направление его таланта: своими лирическими произведениями он скоро занял видное место в числе поэтов пушкинского кружка, поэтов-«романтиков».

- Воспоминание о провинности сидит в Баратынском, как гигантская заноза, не дает покоя его совести и самолюбию. Он по-прежнему тяготился своим клеймом позора и три года тщетно надеялся на высочайшее прощение. Так и не дождавшись прощения государя, в начале 1819 года, чтобы постараться смыть позор, Баратынский, по совету родных, едет в Петербург и поступает рядовым в лейб-гвардейский Егерский полк. В это время интерес Баратынского к литературе настолько определился, что он стал искать знакомства с писателями.
- Через друга по Пажескому корпусу Креницына он знакомится с А.Дельвигом, который стал ему особенно близок. Баратынский показал Дельвигу свои стихи; того они заинтересовали. Дельвиг познакомил его с Жуковским, Плетневым, Ф.Глинкой, Кюхельбекером и Пушкиным. Баратынский посещает их дружеские вечера, салон С.Д. Пономаревой, литературные "среды" Плетнева, "субботы" Жуковского. Словом, ведет жизнь насыщенную интеллектуальными и художественными событиями.
- Под влиянием Дельвига Баратынский серьезно стал относиться к своей поэзии и в "служении Музам" увидел новую для себя цель жизни. **"Ты дух мой оживил надеждою возвышенной и новой", - писал он позднее Дельвигу.**

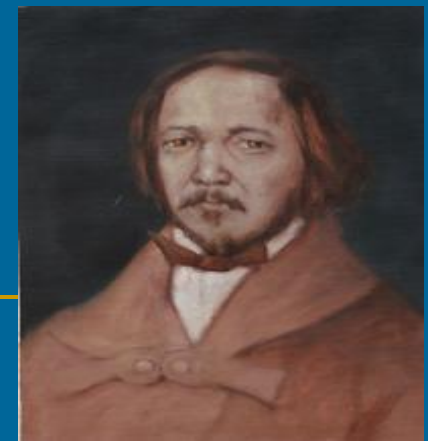
- Дельвиг не только нравственно поддержал Баратынского, но и оценил его поэтическое дарование. С 1819 года, благодаря содействию Дельвига, стихи Баратынского появляются впервые и в петербургской печати - послания "К Креницыну", "Дельвигу", "К Кюхельбекеру", элегии, мадригалы, эпиграммы. В 1820 году появляется поэма Баратынского "Пир", принеся автору большой успех, а в 1823 году, опять же при помощи Дельвига, выходит первый отдельный сборник стихотворений Баратынского.

Элегии Баратынского

*Пушкин шутливо писал Александру Бестужеву:
“Баратынский — прелесть и чудо;
“Признание” — совершенство. После него не
стану печатать своих элегий...”*

Лирический герой элегий поэта

- **Баратынский** привлек внимание современников прежде всего оригинальной разработкой жанра элегии, которая отличалась у него глубокой искренностью и психологизмом. В самый субъективный вид поэзии он внес большое философское содержание.
- Его лирический герой полон сомнений, неуверенности в себе. Это придает его мироощущению трагический характер. Анализ раздвоенности, внутренней противоречивости натуры человека, столкновения в его душе добра и зла в первую очередь привлекает внимание поэта. Он не столько описывает душевное состояние героя, сколько стремится объяснить его.
- Это же относится и к его любовной лирике, в которой намечаются драматические столкновения психологического плана, как, например, в известном «Разуверении» («Не искушай меня без нужды...», 1821), положенном на музыку М. И. Глинкой.

«Не искушай меня без нужды...»

- Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней.
Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не могу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!
Слепой тоской моей не множь,
Не заводи о прежнем слова,
И, друг заботливый, больного
В его дремоте не тревожь!
Я сплю, мне сладко усыпленье;
Забудь бывалые мечты:
В душе моей одно волненье,
А не любовь пробудишь ты.

Ранние элегии

- Баратынский начинал как один из поэтов школы гармонической точности. В его ранних элегиях все составные элементы этой системы, ключевые формулы, слова-сигналы, связь темы с её жанровым разрешением.
- Вот, например, элегия “Финляндия” 1820 года. Перечислим некоторые общепринятые поэтические обороты: “пленяет чудно взор”, “в зеркале гладких вод”, “скальда глас”, “буйный ветер”, “торжественные клики”, “в глубокой тишине”. У Баратынского же мотивировкой подобного эпилога выступает мучительный мыслительный процесс, развивающийся на фоне описания суровой природы Финляндии. Причём обдумывание смысла человеческого существования носит достаточно напряжённый и драматический характер, хотя оно и прикрыто внешней маской бесстрастности. Мы начинаем ощущать эту динамику, читая строки:
 - О, всё своей чредой исчезнет в бездне лет!
 - Для всех один закон — закон уничтоженья,
 - Во всём мне слышится таинственный привет
 - Обетованного забвенья!
- Последняя строчка неожиданна на фоне привычных гармонических формул. “Забвенье” — слово более чем элегическое, почти штамп. То же можно сказать и про эпитет “обетованный”. Но это порознь. Зато вместе они великолепны”, “ветренное племя”.

Ранние любовные элегии

- Ещё сильнее указанные свойства Баратынского проявляются в его ранних любовных элегиях. Лидия Гинзбург не случайно уподобляет одну из них (“Признание”) “предельно сокращённому аналитическому роману”. Молодые Пушкин и Баратынский одновременно шли к психологической элегии. У них сквозь суммарные признаки батюшковского стиля начинали проступать черты психологической конкретности. В центре стихотворения находилось “индивидуализированное” лирическое событие. При этом личные особенности приводили к разной “окрашенности” стихов.
- Пушкин шутливо писал Александру Бестужеву: “Баратынский — прелесть и чудо; “Признание” — совершенство. После него не стану печатать своих элегий...” И было чему удивляться.
- Стандартной элегической темой были жалобы на изменившие чувства (но не поэта-меланхолика, а его возлюбленной), на разлуку с любимым человеком, на общую разочарованность в жизни. У Баратынского всё предельно конкретно и необычно: разлюбил сам герой, причём его холодность нелогична, измена, если только это можно назвать изменой, не спровоцирована новыми романтическими стремлениями, более того, поэт тоскует по прежней страстной взволнованности, но не может её оживить:
- Напрасно я себе на память приводил
- И милый образ твой, и прежние мечтанья:
- Безжизненны мои воспоминанья,
- Я клятвы дал, но дал их свыше сил.

«Где сладкий шепот».

- В лирике Баратынского уже наметился тот «диалог» между героем и героиней В 30-е годы усиливаются философские мотивы в лирике Бара «Была ему звездная книга ясна,
- И с ним говорила морская волна».

- Романтики не просто приобщались к природе, они стремились как бы «слиться» с нею, погрузиться в ее внутреннюю жизнь. Баратынский одним из первых передавал в своих стихах ощущение таинственной связи человеческой души с природою. Его описание водопада, например, явно отталкивается от знаменитого стихотворения Державина «Водопад». Державин восхищен блеском, сверканием водопада, он сравнивает его с алмазной горой, жемчугом, серебром. Баратынский же, отказываясь от ярких, живописных, красочных сравнений и эпитетов, прежде всего вслушивается в тайную речь шумящего потока:
 - Как очарованный стою
 - Над дымной бездною твоею
 - И, мнится, сердцем разумею
 - Речь безглагольную твою...
 - («Шуми, шуми с крутой вершины...», 1827)

Элегия «Запустение»

- Элегия Е.А. Баратынского, начинающаяся строкой “Я посетил тебя, пленительная сень...”. Поводом к её написанию послужило посещение родительского имения — наиболее длительное пребывание уже зрелого поэта в Саара с осени 1832 года по зиму 1834 года, когда он был вынужден заниматься хозяйственными делами имения в связи с разделом его между братьями и сёстрами.
- Больше двадцати лет прошло с тех пор, как умер его отец, владелец имения, который содержал сад в прекрасном состоянии, были проложены аллеи, построены беседки, мостики, гроты... Теперь поэт видит запустение и разрушение временем творения отца и вспоминает юные годы. Баратынский оставил поэтические описания этого замечательного края в стихотворениях «Родина», «Стансы». Читая эти стихи, понимаешь, как дороги поэту родные места, как много значат воспоминания о них.

Стихотворени «Родина», «Стансы».

- Разгром декабристов наложил отпечаток на поэзию Баратынского. На первый план теперь выходит философское начало, темы великой скорби, одиночества, прославление смерти как "разрешенья всех цепей", обречённости искусства ("Последняя смерть", "Смерть", "Недоносок", "На что вы, дни" и др.).
- Проводя много времени в Москве, Баратынский сошелся здесь с кружком московских писателей, с И.В. Киреевским, Языковым, Хомяковым, Соболевским, Павловым. После издания в 1826 году его поэм "Эда" и "Пир" (одной книжкой, с любопытным предисловием автора) и в 1827 году первого собрания лирических стихотворений, в 1828 году выходит книга "Две повести в стихах", ставшая проявлением дружбы с Пушкиным и близости их литературных позиций. В эту книгу вошли поэма Пушкина "Граф Нулин" и поэма Баратынского "Бал".
- В своих поэмах Баратынский заметно поддался влиянию Пушкина и ещё более - влиянию "властителя дум" современного ему поколения Байрона. То же самое можно сказать и о поэме "Наложница" ("Цыганка"), вышедшей в 1831 году. Отличаясь замечательным мастерством формы и выразительностью изящного стиха, нередко не уступающего пушкинскому, эти поэмы обычно ставятся всё же ниже лирических стихотворений Баратынского.

- Будучи истинным поэтом, он вовсе не был литератором; для того чтобы писать что-либо, кроме стихов, ему нужна была внешняя причина.
- Так, например, по дружбе к юному А.Н. Муравьеву он написал прекрасный разбор сборника его стихов "Таврида", доказав, что мог бы стать интересным критиком. Затронутый критикой своей поэмы "Наложница", он написал "антикритику", несколько сухую, но в которой есть замечательные мысли о поэзии и искусстве вообще.

- Творчество Баратынского является одной из ярких страниц в истории русской поэзии.
- По словам Белинского, «из всех русских поэтов, появившихся вместе с Пушкиным, первое место, бесспорно, принадлежит Баратынскому. Идеи и образы Баратынского, его творческий опыт не прошли бесследно даже для Пушкина, который высоко ценил талант своего современника, и для поэтов последующих поколений — Лермонтова, Тютчева, Блока, Брюсова, а в советский период — Н. Заболоцкого, Л. Мартынова, Е. Винокурова и др.

- Яркий поэт, представитель пушкинской плеяды, Баратынский прожил короткую жизнь. Он оставил русской литературе три поэмы да три небольших сборника стихов (1827, 1835 и 1842).
- Суровый приговор Белинского, бесповоротно осудившего поэта за его отрицательные воззрения на "разум" и "науку", предопределил отношение к Баратынскому ближайших поколений. После смерти Баратынского Белинский, который имел много претензий к поэту, все-таки признавал: «Читая стихи Баратынского, забываешь о поэте и тем более видишь перед собою человека, с которым можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать в своей симпатии, потому что этот человек, сильно чувствуя, много думал, следовательно, жил, как не всем дано жить».

■

Некрополь Боратынских на Тамбовщине в первоначальном виде не сохранился. На сегодняшний день обнаружено 8 надгробных плит, в том числе - А.Ф.Боратынской (матери поэта), Е.Ф.Черепановой (тети поэта), С.А.Боратынского (брата поэта) и его дочерей - Александры Сергеевны и Анастасии Сергеевны, Е.А.Дельвиг (дочери поэта А.А.Дельвиг) и др.

В настоящее время ведется работа по возрождению фамильного некрополя в Маре.

- Виссарион Белинский написал: «Читая стихи Боратынского, забываешь о поэте и тем более видишь перед собою человека, с которым можешь не соглашаться, но которому не можешь отказать в своей симпатии, потому что этот человек, сильно чувствуя, много думал, следовательно, жил, как не всем дано жить».

- «Страны без истории — не страны, а всего лишь территории», — сказал поэт. Но ведь полна истории земля наша! Говорят, в Финляндии у водопада Иматра кто-то на скале написал: «Здесь был поэт Боратынский».
- Память сердца. Она не должна меркнуть у ныне живущих, и, пока теплится в нашей груди любовь к родному пепелищу, любовь к отеческим гробам, они будут жить с нами — наши талантливые земляки — и долго-долго радовать нас своими прекрасными творениями.